

П Р И Б А В Л Е Н І Я
К Ъ

ЦЕРКОВНЫМЪ

ВѢДОМОСТЯМЪ,

№ 23

XXVII г. изд.

ИЗДАВАЕМЫМЪ ПРИ СВЯТѢЙШЕМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМЪ СЪНОДѢ.

7 іюня

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

1914 года.

С Л О В О

высокопреосвященнѣйшаго Антонія при погребеніи преосвященнѣйшаго Арсенія, архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, 1-го мая 1914 года.

Господь сказалъ, что всякій книжникъ, наученный царствію небесному, подобенъ хозяину, который выноситъ изъ дома своего и новое и старое: такой хозяинъ приобрутаетъ себѣ новыя вещи, но бережетъ и старыя, просушиваетъ или чиститъ, и тѣмъ умножаетъ свое достояніе. Поступая согласно сему слову, Самъ Господь и Его апостолы и прочіе учителя церковныя научали слушателей своихъ словами святаго Евангелія, но не оставляли безъ вниманія и разъясненія древнихъ пророчествъ и изреченій мудрецовъ и псалмопѣвцевъ.

Мы собрались сюда, чтобы вознести молитву за почившаго архипастыря и принять отъ него послѣднее назиданіе. Что изнесетъ намъ его смиренный гробъ? Что скажутъ его сомкнувшіяся уста? Старое или новое? Почившій всецѣло принадлежалъ къ старому времени, — болѣе даже чѣмъ можно предлагать по его возрасту.

Родился онъ въ самую строгую эпоху Николая I (1839 г.) и хотя учился въ годы такъ называемыхъ великихъ реформъ Александра II, но по духу своему, по убѣжденіямъ и симпатіямъ всецѣло принадлежалъ къ первой, т. е. Николаевской эпохѣ. Объясняется это отчасти тѣмъ, что новыя вѣянія мало проникали въ ту бѣдную среду псаломщической семьи, которая дала ему жизнь и первоначальное воспитаніе, а отчасти — и въ гораздо большей степени, — его собственнымъ характеромъ и взглядами.

Итакъ, исполняя наставленіе Христово, посмотримъ, что изъ этого стараго достоянія нашихъ дѣдовъ можетъ послужить на духовную пользу? Чему научить насъ можетъ отходящій изъ сего міра архипастырь? Многому, отвѣтимъ мы заранѣе. Много соколовищъ духа, духа русскаго было накоплено въ то съ виду суровое и строгое

время, накоплено и не сохранено, а растрачено въ дальнѣйшіе годы нашей общественной жизни. Правда, иной взглядъ на то старое время усвоенъ нами въ школахъ, не только современнымъ молодымъ поколѣніемъ, но и старшими, предстоящими здѣсь съ посѣдѣлыми уже бородами. Намъ учили и въ школахъ и внѣ ея, учителя и писатели, начиная съ Гоголя, будто все доброе въ Россіи, все разумное и просвѣщенное, началось лишь съ шестидесятыхъ годовъ, будто раньше наша жизнь общественная была темна, безсодержательна, омрачена всеобщимъ взяточничествомъ, безсудьемъ, жестокими угнетеніями и пьянствомъ. Нельзя, конечно, отрицать относительной правды этихъ обличеній, но существенная ихъ неправда заключалась въ томъ, что обличители не давали усмотрѣть и иныхъ началъ прежней жизни, началъ высокихъ и святыхъ, исполненныхъ подвигомъ чистаго самоотверженія и духовнаго совершенства. Вотъ изъ этихъ-то началъ многія нашли себѣ прочное мѣсто въ душѣ преосвященнаго Арсенія.

Не для похвалы усопшему, не для исполненія погребальнаго обычая расхваливать покойника будемъ мы воспроизводить предъ вами эти высокія начала его жизни: умирающій не въ похвалахъ нуждается, а въ молитвахъ. Онъ предстоитъ теперь, какъ подсудимый, Предвѣчному Судіи; но нуждается въ сихъ напоминаніяхъ «мы, живущіе и оставшіеся», и именно во дни погребенія знаемыхъ нами, потому что въ такіе дни расширяются человѣческія души и зарождается ревность исправить пути своей жизни, дабы не быть посрамленнымъ предъ ангелами, когда они придутъ и за нашею душою. Кромѣ того, воспроизведеніе въ памяти и въ добромъ чувствѣ лучшихъ христіанскихъ и пастырскихъ качествъ умершаго владыки побудитъ насъ умножить и усилить свои молитвы о немъ и тѣмъ доставить великую пользу его душѣ. Конечно, осуждать и порицать легче, чѣмъ отыскивать доброе въ жизни и людяхъ:

первымъ дѣломъ руководить недоброжелательство и зависть, а для второго—нужно братолюбіе и благородная отзывчивость души. Да пробудитъ же Господь въ насъ такія чувства для назиданія себя самихъ.

Итакъ, какія сокровища духа изъ той старой до-реформенной жизни стяжалъ усопшій и, донеся ихъ до своего гроба, предъъявляетъ ихъ, какъ выкупъ своей душѣ? Первое такое сокровище, братіе, почти утраченное въ жизни современной, это есть сознаніе долга и слѣдованіе сему сознанію не только въ видахъ внѣшней отвѣтственности, но и въ тайникахъ своей совѣсти при твердомъ убѣжденіи въ томъ, что Господь все видитъ и за все воздастъ намъ. Долгъ свой, какъ служителя Божія, какъ народнаго пастыря, какъ вѣрноподаннаго своему Царю, почившій владыка Арсеній, подобно большинству своихъ сверстниковъ по воспитанію, всегда держалъ предъ своимъ мысленнымъ взоромъ, всегда благоговѣлъ предъ нимъ, всегда старался ему слѣдовать.

Съ этимъ свойствомъ души усопшаго было тѣсно связано его другое, еще болѣе цѣнное убѣжденіе, убѣжденіе въ томъ, что жизнью человѣка и народовъ правитъ Господь, а потому все, происходящее съ нами мы должны переносить съ покорностью воли Божіей и никогда не жаловаться на свою участь, а въ благополучіи и почетѣ не превозноситься и не забываться. Увѣренность въ Божественномъ вседержительствѣ и близости къ намъ Господа вложила въ сердце преосвященнаго Арсенія глубокую и сердечную вѣру и живую преданность всѣмъ церковнымъ законамъ и обычаямъ, а также умиленное благоговѣніе предъ всѣми церковными святынями: предъ Божіими храмами, чудотворными иконами и святыми мощами. Никогда не могъ онъ отнестись ко всѣмъ такимъ источникамъ благодати безъ искреннаго благоговѣнія и горячаго чувства. И это свойство вѣрующей души почившаго, не смотря на нѣкоторую рѣзкость въ обращеніи съ людьми, дѣлало его пастыремъ народнымъ.

Народъ нашъ не такъ цѣнить въ священникѣ его личную любезность къ людямъ, какъ его вѣру: «не меня люби, а любви мое, мою вѣру, мои святыни», говоритъ нашъ народъ устами писателя своимъ начальникамъ и духовнымъ и мірскимъ. Народъ, паства пресвященнаго Арсенія, лично понималъ, какъ понимаетъ всегда, что предъ нимъ архипастырь, одинаково съ нимъ вѣрующій, не представляющійся только благочестивымъ «народа ради», но дѣйствительно и убѣжденно молящійся Богу, Божіей Матери и святымъ угодникамъ предъ ихъ святыми мощами и чудотворными образами.

Покойнаго владыку народъ считалъ своимъ пастыремъ, не чиновникомъ, не начальникомъ консисторіи, а своимъ духовнымъ отцомъ и радѣтелемъ народнаго благочестія. Съ своей стороны почившій любилъ простыхъ деревенскихъ людей и городскихъ мѣщанъ; среди нихъ онъ чувствовалъ себя въ своей духовной семьѣ, со своими чадами во Христѣ, не ищущими въ духовномъ отцѣ предмета осужденія и насмѣшекъ, но назиданія, благого примѣра и благословенія. При столкновеніяхъ между людьми, которыя онъ долженъ былъ разбирать, его сочувствіе клонилось всегда въ сторону слабѣйшаго, и если владыка, какъ человѣкъ могъ иногда ошибиться въ рѣшеніи дѣла, то всегда въ пользу болѣе слабой стороны.

Эта доброжелательность пресвященнаго Арсенія къ людямъ, а особенно къ людямъ простымъ и бѣднымъ, сказала бы гораздо сильнѣе и ошутительнѣе для нихъ, если-бы не одно еще свойство его характера, въ коемъ отразилось и время его воспитавшее, и вообще характеръ русскаго человѣка, русскої, точнѣе—великорусской жизни.

Русскіе люди умѣютъ глубоко чувствовать, но не умѣютъ и не любятъ выражать этихъ чувствъ. Хорошая ли это черта или отрицательная,—предоставляю судить каждому, но исходитъ она изъ той ненависти русскаго человѣка ко всякому лицемерію и притворству, изъ той боязни выразить сло-

вомъ больше, чѣмъ чувствуешь сердцемъ, которая отучила его, точнѣе—его отдаленныхъ предковъ, воспитавшихся въ монастырскомъ укладѣ жизни, отучила выражать даже и то чувство, которое само просится наружу. Малороссы позволяютъ себѣ это, а въ Великой Россіи это свойственно развѣ женщинамъ, мужчины же стѣсняются ласкать даже собственныхъ своихъ дѣтей, но зато нисколько не удерживаютъ себя отъ того, чтобы мѣткимъ и крѣпкимъ словомъ оговорить кого слѣдуетъ и когда нужно.

Почившій владыка, сочувствуя людямъ, не былъ сладокъ на языкъ и подчасъ самъ жаловался на себя. «Я всѣмъ желаю добра, говорилъ онъ мнѣ однажды въ загородномъ архіерейскомъ домѣ подъ Казанью, всѣмъ желаю добра и всѣхъ желалъ бы обрадовать, но взамѣнъ того приходится постоянно выговаривать и наказывать».

Впрочемъ, послѣднее владыка рѣдко допускать въ отношеніи къ подчиненному духовенству, и его сѣтованіе должно быть отнесено не столько къ его характеру, сколько къ его положенію. Дѣйствительно, самое трудное въ архипастырскомъ дѣланіи это соразмѣрять происхожденіе къ виновнымъ клирикамъ съ попеченіемъ архіерея о паствѣ, требующей въ лицѣ клириковъ примѣра благочестія и источника назиданія. Ревность архипастыря о славѣ Божіей, конечно, точно такъ же не можетъ переносить пребыванія въ клирѣ людей порочныхъ и канонически подлежащихъ изверженію. Но, съ другой стороны, жалость къ людямъ и ихъ семействамъ, обрекаемымъ въ такомъ случаѣ на нищету, повелѣваетъ по возможности и даже сверхъ возможности, смягчать кару за пороки, за бездѣтельность, за маловѣріе, замѣнять лицеіе сана епитиміей, епитимію переводомъ на другой приходъ и т. п. Въ этихъ дѣлахъ пресвященный Арсеній проявлялъ себя тоже, какъ человѣкъ стараго, до-реформеннаго времени, а не новаго правового порядка (или, точнѣе, безпорядка). Хотю

сказать, что, будучи чуждъ современнаго безразличія къ пороку и маловѣрью, онъ однако не являлся выразителемъ мертвящей буквы закона. Николаевскую эпоху осуждаютъ, какъ безправную, какъ эпоху начальственнаго произвола и полнаго безсилія подпавшихъ начальственному гнѣву облегчить свою участь. Упреки эти, конечно, въ значительной степени справедливы. Но не должно умалчивать и о другомъ условіи тогдашней жизни, къ сожалѣнію, все болѣе теряющемъ свое значеніе въ жизни современной у насъ и давно потерявшемъ его въ жизни правовой Европы. Разумно значеніе слезъ, мольбы и раскаянія,—у Бога, предъ правосудіемъ Божиимъ ихъ значеніе всеильно; отверженіе же ихъ людьми грозно осуждается Христомъ въ притчѣ о милосердіи Царя и немилостивомъ должникѣ,—и суровое Николаевское время съ этими явленіями человѣческой совѣсти считалось. Считался съ нимъ и усопшій валъ архипастырскій; не только считался, но скажу прямо, никогда не могъ устоять предъ слезами и раскаяніемъ и вѣрилъ въ послѣднее у людей даже тогда, когда оно оказывалось (впослѣдствіи) непрочнымъ и неглубокимъ. Но если усопшій, какъ сердечный человѣкъ, неизбежно ошибался въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ, то въ общемъ его христіанскій способъ отношенія къ подчиненнымъ принесъ благіе плоды и далъ ему дорогой выкупъ за дѣла любви и снисхожденія. Смотрите на это необычное даже на архіерейскихъ похоронахъ, стеченіе іереевъ и діаконовъ для молитвы за усопшаго. Болѣе 200 священнослужителей, не только городскихъ, но преимущественно сельскихъ, собрались къ его гробу съ молитвеннымъ и благодарнымъ чувствомъ. Это ли не оправданіе его вѣры въ человѣческую совѣсть? Это ли не исполненіе словъ Христовой притчи: «да егда обвиняете, примуть васъ въ вѣчные кровы»?..

Да, братіе, безмолвенъ гробъ и замкнуты уста почившаго, но смотрите, сколько на-

зиданія повѣдали они намъ, сколько добрыхъ качествъ души его открыли они намъ,—души умершаго владыки и души общенародной русской, столь мало вѣдомой нашему обществу, столь мало привлекающей вниманія мнимыхъ радѣтелей народнаго блага, даже такъ называемыхъ націоналистовъ, на самомъ дѣлѣ очень далекихъ отъ русской націи. Пусть бы они, вмѣсто того, чтобы ставить разные памятники по городскимъ площадямъ, приникли бы своимъ духовнымъ слухомъ къ біенію сердца жизни народной и постарались бы уразумѣть, чего оно проситъ отъ Бога и отъ тѣхъ, кому вѣрена Богомъ его судьба! Тогда только они получили бы право законно именоваться націоналистами, по крайней мѣрѣ, въ той степени, нѣтъ—хоть половину той степени, какъ дѣйствительные народные дѣятели, народу понятные и близкіе, какимъ былъ и почившій владыка.

Скажу въ заключеніе еще объ одномъ чисто народномъ, чисто христіанскомъ его качествѣ. Народъ нашъ особенно великъ тѣмъ, что не боится смерти и не забываетъ о ней. Онъ живетъ не для того, чтобы наслаждаться жизнью, какъ глаголемые культурные люди,—но для того, чтобы достойно приготовиться къ смерти и заслужить у Бога жизнь вѣчную. Это свойство народнаго духа единогласно признаютъ всѣ писатели русскіе и иностранные и удивляются ему, но не всѣ его цѣнятъ по достоинству, многіе, напротивъ, имѣютъ глупость говорить о невниманіи нашего народа «къ реальнымъ интересамъ и условіямъ жизни». Но что можетъ быть реальнѣе смерти? Безумцы могутъ отрицать жизнь загробную и будущій судъ, но вѣдъ отрицать неизбежность смерти и, слѣдовательно жалкую кратковременность всего земнаго не можетъ ни одинъ философъ, ни одинъ житейскій краснобай: пусть же они покажутъ, какъ они сумѣли, хотя бы въ теоріи, опознаться съ этимъ неизбежнымъ событіемъ нашей жизни, съ ея неизбежнымъ и скорымъ концомъ на землѣ. Увы, они

въ этомъ отношеніи стоятъ ниже даже язычниковъ—дикарей, у которыхъ нравственныя правила жизни непремѣнно сформированы съ ея временностью, и указанъ, худо ли, хорошо ли, путь къ тому, чтобы облегчить своей душѣ ея загробное пребываніе. Мудрецы же вѣка сего, оторвавшіеся отъ христіанской вѣры и Церкви, лишены всего этого, и жизнь ихъ рассчитана только на моменты, но лишена всякой общей осмысленности.

Напротивъ, нашъ народъ, нашъ великій народъ-философъ, пріуготовляетъ себя къ встрѣчѣ смертнаго часа постояннымъ памятованіемъ его неизбѣжности, и тѣмъ удерживаетъ себя отъ увлеченія земными прелестями и отъ отчаянія въ бѣдахъ и обидахъ. Смертный часъ онъ переживаетъ спокойно, какъ переходъ въ другой, вѣчный домъ, гдѣ все творится по правдѣ и по Божественному милосердію, къ которому онъ прибѣгаетъ въ эти часы съ сокрушеннымъ покаяніемъ, но и съ надеждою на благодать Того, Кто помиловалъ кающагося разбойника на крестѣ и перваго его ввелъ въ рай сладости. Таково было отношеніе къ смерти и почившаго владыки вашего Арсенія.

За пятнадцать, даже за двадцать лѣтъ до своей кончины готовился онъ къ ней, держалъ при себѣ гробъ и погребальныя одежды, возилъ ихъ съ собою при переселеніи изъ одного города въ другой и въ каждомъ изъ трехъ городовъ, гдѣ жилъ онъ въ разное время своего святительства, уготовлялъ себѣ могилу въ опредѣленномъ мѣстѣ, гдѣ надѣялся быть помцаемымъ усердною молитвою духовной братіи.

И здѣсь, въ этомъ самомъ святомъ храмѣ, въ подвальному придѣлѣ показывалъ онъ мнѣ, тому назадъ три съ половиною года, уготованную себѣ могилу, въ которую чрезъ нѣсколько часовъ мы опустимъ его прахъ. И тогда же просилъ меня непремѣнно совершить надъ нимъ въ свое время священнодѣйствіе погребенія; онъ приглашалъ на свои похороны съ такою

непосредственною простотою, какъ люди зовутъ своихъ друзей на именины или на другой какой житейскій праздникъ. За это храненіе памяти смертной Господь сподобилъ его христіанской кончины среди молитвъ и священнѣйшихъ таинствъ—исповѣданія, елеосвященія и причащенія.

Отцы и братіе! Если одинъ только урокъ усвоимъ мы отъ почившаго архипастыря—урокъ о томъ, какъ надо готовиться къ смерти, то и этого будетъ довольно, ибо хорошо готовиться къ смерти значить и праведно жить. Поблагодаримъ его заранѣе за этотъ урокъ, поблагодаримъ тѣмъ способомъ, который одинъ только можетъ быть для него теперь отраднымъ и о которомъ онъ просилъ паству въ своемъ предсмертномъ завѣщаніи. Разумію, конечно, усердную молитву объ усопшемъ, теперь, а равно и всякій разъ, когда будемъ вспоминать о необходимости намъ постоянно готовиться къ смерти и о томъ, какъ исполнять сей долгъ пресвященный Арсеній. Аминь.

Р Ѣ Ч Ь

къ учащемуся духовному юношеству.

Въ годы школьнаго образованія большая часть юношей устремляется мыслию впередъ, мечтаютъ о предстоящей имъ самостоятельной дѣятельности, составляютъ себѣ образъ добраго дѣятеля.

Юноша порывается всѣми силами своей души въ будущее, хочетъ поскорѣе начать жизнь самостоятельную. Его сердце радостно бьется при мысли о будущемъ. Но послѣ, по выходѣ изъ школы, у многихъ людей является тоскливое чувство при воспоминаніи о школѣ, при мысли о томъ, что хорошіе школьные годы уже безвозвратно прошли. И есть о чемъ пожалѣть. Школьная жизнь есть время, которое само по себѣ можетъ быть источникомъ счастья.